

**II Всероссийский конкурс
литературных работ
людей с нарушением зрения
имени Эдуарда Асадова**

СЛЕПАЯ СЕТЬ

Автор:

**Борис Юрьевич
Вишняков**

2023 г.

000. Назад в будущее

Ночь, прохладный ветер, перемешавшийся с раскалённым выхлопом спецбагги. Ровный гул системы траекторного сопровождения ласкает слух, а перед мысленным взором пролетает так похожая на эту последняя ночь прошлой жизни и весь невероятный путь до этого момента.

— Левый 3 — руки сами провернули размеченный на сектора руль, нога чуть сбавила газ и потом чуть вжала педаль обратно.

— Сдвиг право — тело отклонилось вправо, выравнивая аппарат. Гул в наушниках метнулся из стороны в сторону и снова замер по центру, оповещая, что я снова на прямой.

Два года назад я так же летел по ночной трассе и жадно вдыхал такую же смесь из ночного воздуха, адреналина и раскалённого выхлопа, а вместо системы сопровождения был мой товарищ по мотоклубу Дэн. Впервые за несколько лет я тогда сел пассажиром из-за поломки моего верного стального зверя. Кто знает, может, сломавшись накануне, как тогда казалось, важной поездки, мой стальной друг предупредил меня о том, что в итоге и случилось?

— Дэн! Твою мать!.. Куда лезешь?! — только и успел заорать я, повернув голову в сторону поворота и увидев чёрный силуэт КамАЗа с двумя горящими глазами фар, невесть откуда несущийся прямо на нас...

Удар, секунда темноты, дикая боль во всём теле, сливающаяся воедино с режущим слух скрежетом металла и шелестом экипировки об асфальт; голоса — знакомые и нет; сигарета, кем-то заботливо сунутая в зубы. Становится немного легче, недоумение — а как мне сигарету дали? Значит, шлем слетел — это плохо...

Звук сирены — вот и скорая, значит, жив. Выбрасываю сигарету и погружаюсь в полузабытьё под голоса наших ребят, в том числе и Дэна, вещающие, что всё обойдётся. Значит, всё не так плохо...

Последующие дни и недели сливаются в сплошной клубок боли, жути и плохих новостей. То, что кости будут срастаться долго, и то, что это время я буду прикован к коляске, не вызвало у меня и десятой доли ужаса, пришедшего утром через примерно два месяца.

— Вы теряете зрение, и мы не знаем, возможно ли это предотвратить, а тем более восстановить хотя бы частично, — мерно вбивая слова в моё помутившееся сознание, проговорила мутная, едва различимая фигура, принадлежавшая врачу средних лет.

Словно цунами на лёгкую лодчонку, обрушились эти слова приговора на всю мою жизнь, стремления и мечты, не оставляя шанса на спасение ни единому кванту прошлой реальности, бывшей такой осязаемой ещё вчера.

Что бы ни предпринимали мы с родными и друзьями, к каким бы врачам ни обращались, мир света и тени неумолимо исчезал с каждым днём.

Если передвижение по замкнутым пространствам и манипуляции со знакомыми предметами благодаря долгому занятию восточными боевыми искусствами в прошлой визуальной жизни дались мне относительно легко, то наступившая информационная изоляция стала настоящим бедствием.

Обычно мы и не замечаем, как звоним друзьям по телефону, читаем надписи на предметах, пользуемся пультами и кнопками на бытовой технике и тому подобные мелочи.

Не замечаем, пока это столь же просто, как сделать вдох свежего воздуха. Но стоит закрыть глаза, и вы поймёте, что буквально начнёте задыхаться от беспомощности, как будто вам зажали шланг на дыхательном аппарате, по которому столь привычный воздух и поступал. А ведь для современного активного и мыслящего человека возможность самостоятельного доступа к окружающей его информации и коммуникациям стала почти настолько же жизненно важной и привычной, как тот самый злосчастный чистый воздух, упомянутый мной чуть раньше.

Вот и я с размаху столкнулся со стеной информационного голодания и изоляции: радио и ТВ опостытели уже спустя неделю, а невозможность добыть какую-либо необходимую информацию становилась с каждым днём всё невыносимее, несмотря даже на подаренный друзьями говорящий телефон, оказавшийся, кстати, до невозможности удобной, но всё же довольно примитивной штукой.

001. Первый звонок судьбы

Звонок... Ещё один...

Пелена уютного сна, в котором, кстати, мир света и тени так никуда и не исчезал, никак не хотела отпускать меня, а может, это я не хотел опять погружаться в беспросветно-тёмное, а оттого более холодное, чем в прошлом, зимнее утро.

— 89*****, — прочирикал голосовой синтезатор телефона, окончательно вырывая меня из спасительной пелены сна.

— Барсук!

— На связи... — сонно проговорил я автоматическую фразу в трубку.

— Давай вставай, через полчаса заеду за тобой, от подъезда позвоню, чтобы спустился, — раздался взволнованный голос моего старого друга Лёхи, — едем в клинику, у них какая-то новость по поводу реабилитации.

Не дав мне опомниться, телефон издал звук завершения вызова.

Сердце билось со скоростью движка спортивного мотоцикла: новости, реабилитация, взволнованный и спешащий голос друга, разбудившего меня в такую рань... Кстати, а сколько времени?

— Восемь часов ровно, — как будто читая мои мысли, проговорил электронный голос мобильного. Чёрт, а действительно, что же приключилось, если Лёха разбудил меня так спешно и рано, зная, насколько я люблю поспать, тем более после всего произошедшего?

Странное и манящее предчувствие разгоралось с каждой минутой; ещё нившее после полученных во время аварии травм от каждого перепада температуры тело, как будто вернувшись в молодость, почти само запрыгнуло в удобный камуфляжный костюм и термокомплект, одеваемый под него.

Сандвич, нашаренный в холодильнике, уже грелся в старенькой, но удобной для незрячего из-за механического управления микроволновке.

Что же они там ещё придумали? Какой ещё устаревший морально и физически привет из времён динозавров хотят предложить нам на откуп? А может, и вправду что-то интересное, недаром же такая спешка, да и моё чутьё редко меня подводило.

Сейчас же зимним и промозглым утром я чувствовал себя слишком легко и стремительно, что наводило на размышления о не такой уж и бессмысленности происходящего.

Звонок в домофон оторвал меня от этих размышлений — пора.

Завтрак ликвидирован, я проснулся, оделся, взял любимую шляпу — в ней, в чёрных очках и в этом костюме, по словам друзей, я похож на американского шерифа. Взял трость и вышел из квартиры.

Сбежав вниз по лестнице и выскочив из подъезда в морозное утро, я чуть не сбил стоявшего у выхода и ожидавшего меня Лёху.

— Здорова, брат, — окликнул меня друг, — машина прямо перед тобой в трёх метрах, садись и погнались.

— Что там у них за спешка, старик? — спросил я, когда лёгкий полуспортивный опель с визгом сорвался с места по подмёрзшей дорожке около дома, привычно ещё по прошлой жизни вдавив меня в, к сожалению, пассажирское сиденье.

— Какой-то экспериментальный проект, как раз для молодого поколения, как они сказали.

— Неожиданно, однако же, а то всё технологическое старьё все предложить норовят, ну давай, погнались, поглядим.

«Три... пять... десять», — судя по голосам, в холле реабилитационного отделения клиники «Энвизион» было ещё полтора десятка молодых и не очень мужчин и женщин, ожидавших приёма и оглашения подробностей причины этого утреннего собрания.

— Доброе утро, уважаемые друзья! Проходите в конференц-зал, наши сотрудники помогут вам разместиться, — проговорил приятный женский голос со стороны открывшихся с тихим гулом в противоположной стороне от входа в холл дверей.

К нам подошла симпатичная, со слов Лёхи, девушка-помощник и приятным, даже почти ласковым голосом предложила проследовать за ней в зал.

— Мы собрали вас всех здесь сегодня, для того чтобы предложить революционное решение в сфере реабилитации и адаптации людей с ограничениями по зрению. Каждый из вас молод и энергичен, каждый из вас до наступившего вас горя — слепоты — вёл яркую, полную общения, творчества и стремлений вперёд жизнь, немыслимую без свободного и самостоятельного доступа к информации и коммуникациям. Представляем вам систему личного киберпомощника «Ариадна», являющуюся ядром всестороннего проекта «Блайнд нэт», а по-русски — «Слепая сеть». Сейчас наши сотрудницы раздадут вам прототипы, и если никто не будет против, то вы станете первыми пользователями и испытателями проекта.

— Извините, уважаемый, — раздался голос мужчины лет тридцати пяти, — но я хотя и был человеком безусловно активным и творческим, путешественником и художником, но с компьютерами как-то так и не освоился.

— Не волнуйтесь, молодой человек, в системе предусмотрена возможность обучения с абсолютно нулевого уровня владения ЭВМ, — ответил ему ведущий, — а кнопка включения на прототипе выполнена в виде рельефного изображения глаза на крышке ноутбука. Сопровождающие вас сегодня сотрудники нашей компании будут закреплены за вами на всё время испытаний в качестве личных инструкторов и проводников в мир новых возможностей «Блайнд нэт», — радостно продекламировал ведущий.

Нежная, как цветок, рука девушки-инструктора коснулась моей руки, как будто специально чуть больше необходимого.

— Маша, меня зовут Маша, а вас? — заполняющим сознание голосом сказала она, передавая мне увесистый чемоданчик с прототипом.

— Борислав, а для друзей просто Барсук.

002. Чудо техники

— Топливо на исходе, давай в боксы! Ты что там, оглох, что ли, Барсук? — такой знакомый и ставший за всё это время почти родным голос прервал мои воспоминания как раз на моменте знакомства с его обладательницей.

— Вас понял, дайте траекторию, — нащупав кнопку связи на обратной стороне руля и чуть вздрогнув, выпадая из подхватившего меня вихря воспоминаний, автоматически ответил я и уже более живым голосом добавил: — Маш, просто воспоминания нахлынули, спасибо, что ты есть, возвращаюсь в боксы.

— Отлично прошёл, кстати, на две секунды быстрее, — проговорил голос в шлемофоне, — передаю траекторию возврата, жду.

В наушниках раздался сигнал приёма данных, и двигатель багги перешёл на пониженные обороты, оповещая о входе в пит-стоп режим.

Гул системы сопровождения начал сдвигаться медленно вправо, руки пошевелили руль и замерли в позиции между отметкой «1» и «2». Судя по оборотам движка и ощущениям, аппарат шёл на скорости не больше пятнадцати километров в час, что вполне позволило бы вычерчивать почти любые фигуры на площадке около технической зоны, не пользуясь цифровыми указаниями поворотов или помощью ведущего, а полагаясь, при должной сноровке, только на звук системы указания кривой (или как её в шутку прозвали — «СУКи»).

К слову говоря, некоторые техники то и дело язвили на тему моего никнейма и этой аббревиатуры, особенно если я по какой-либо причине начинал вихлять по трассе или выделять ещё какие-нибудь манёвры, мало сочетавшиеся с указаниями системы.

Ну что же, как известно — смех продлевает жизнь, пусть и над уже заезженной шуткой потешаются.

Тихо шелестя полувнедорожной резиной по гладкому полу и довольно пофыркивая немного перегревшимся и идущим сейчас почти на холостых движком, в зал технического контроля нехотя вползла неведомая зверюга из стали и пластика, связанных в единый организм с сидящим внутри пилотом — нечто среднее между картом и внедорожным багги.

Мощный контурный щиток, как у большинства картов, закрывал мощные, больше подходящие для квадроцикла, но расставленные довольно широко на независимых длинноходных подвесках колёса. Сидящего, а точнее почти лежащего в специальном эргономичном кресле с многоточечными ремнями безопасности, закреплённом в нижней точке на уровне кругового щитка, пилота, защищали мощные легкосплавные дуги каркаса безопасности, образующие с рамой и кольцевым щитком единый защитный экзоскелет. Малогабаритный, но довольно мощный двигатель от квадроцикла, бак и блок-системы траекторного сопровождения находились позади от кресла пилота в специальном отсеке. На всех углах аппарата располагались габаритные огни, поворотники и небольшие пластиковые модули со светодиодами — телеметрические датчики системы сопровождения, призванные отслеживать положение спецбагги во всех измерениях.

— Пип, пип-пип, пип-пип-пип, — сигнал габаритного контроля слился в сплошной звук, оповещая о критической близости препятствия, и двигатель, лениво чихнув, заглох.

Зверюга легонько дёрнулась и замерла в метре от стойки с диагностической аппаратурой, хромированный каркас безопасности отсвечивал тёплым оранжевым блеском от мерцающих спереди габаритных огней и обоих поворотников, включённых системой внешнего оповещения для безопасности находящегося рядом персонала.

— Ну, как аппарат? — спросил чуть хрипловатый голос Саньча, главного инженера-механика команды, с чуть заметной усмешкой. — Или, может, вернуть, как было?

— Силища нереальная, Саньч! — ответил я, уже отстёгивая ремни безопасности и отключив шлейф, идущий к закреплённому на груди ноутбуку со светящимся глазом на крышке.

— Аппарат как будто чувствует мои намерения.

— А то ж! Два дня с помощниками ковырялись с настройками и отчётами, чтоб под тебя всё подогнать и под твою манеру вождения. Как-никак через неделю у тебя первое показательное соревнование с ребятами из группы Кротовенко, — ехидно и немного торжественно изрёк механик, — не подведи, Барсук!

А вот это действительно неожиданно.

Прошло немногим больше года со дня, изменившего само понимание возможностей незрячего человека для участников экспериментальной группы; дня, также положившего начало непримиримому противостоянию нашей группы и группы Кротовенко; дня, который я помнил почти поминутно, а вот уже через неделю настанет момент истины...

003. Второй звонок судьбы

— Абонент Мариэн хочет начать голосовой чат, — произнёс приятный, хоть и немного механический голос личного киберпомощника, уже как полгода поселившегося в моём ставшем не таким уж и скучным мире без дня и ночи.

— Ари, окей, эск, — взяв гарнитуру, я отдал три чёткие голосовые команды системе, — привет инструкторам, какие сегодня новости у тебя для барсуков? Или просто потрепаться?

С момента начала эксперимента мы с Машей больше чем сдружились, оказавшись почти что отражениями друг друга, с одним лишь различием, становившимся в рамках проекта не столь уж и критичным, — я говорю, конечно же, о зрении.

— Да нет, Барсучище, есть у меня для тебя одна такая ма-а-ленькая новость, но для начала ответь мне на несколько вопросов, — заговорщицки промурлыкала девушка.

— Конечно, спрашивай, — нетерпеливо ответил я.

— Ты сколько до аварии сезонов на мотоцикле накатал? — вопрос казался неуместным напоминанием о прошлой жизни, но я ответил:

— Почти четыре.

— Отлично, а в механике волочешь?

— Немного, всё-таки свой байк сам собрал с грехом пополам. — Вопросы казались садистской издёвкой, но чутьё неслышно шептало, что надо спокойно отвечать.

— А снова ветер в лицо, запах бензина и скорость почувствовать хочешь?

— Зараза, ты что, поглумиться позвонила? Сама же едешь, а такие вопросы задаёшь, совести нет, так дороги побойся, — не выдержав, все-таки сорвался я, как вы уже знаете, совершенно зря, но понял я это минутой позже.

— Ну ты и дурак, ничего тебе говорить не буду, — помолчав секунд тридцать, чуть не рыдающим от обиды голосом ответила моя собеседница. — Значит, так ты обо мне думаешь, а я ему как дура место в закрытом подпроекте по слепым гонкам выбиваю...

— Что? Чудо ты непостижимое, что ты только что сказала? Слепые гонки?.. Спасибо тебе, извини, просто нервы не выдержали, вот гадостей и наговорил, расскажи скорей, — не веря своим ушам и сгорая от стыда и нетерпения, выпалил я.

— Через час заеду и поедem в техцентр, там всё тебе и расскажут. Я рада, что ты рад, но никогда больше не говори мне таких вещей, дуралей.

Когда наш спортивный гольф 3 джи-ти-ар влетел в ворота техцентра и, скользя в контролируемом заносе, занял отведённое ему место во внутреннем дворике, моя спутница аж зашипела от негодования:

— Блин, этот павлин Крот уже здесь! Редкостный придурок, но его навязали

из параспортивного комитета: в прошлой жизни какой-то то ли картингист, то ли раллист, правда, особо ничего не добившийся, но считает всех дилетантами и неудачниками, а себя — мегапрофи. А по факту — просто хамло расфуфыренное.

День становился всё интереснее с каждым часом.

Не успел я оправиться от заявки леди-инструктора, сулившей снова почувствовать биение железного сердца, как оказалось, что у меня уже появился конкурент. Притом той самой человеческой породы, общий язык с которой находить я не умел отродясь. Ибо с изначально способными на подлость и не способными признавать существование кого-либо, кроме себя, индивидами связываться было ещё более глупо и неуместно, чем торговаться с автоматом по продаже кофе, хотя последнее всё же было иногда не лишено смысла.

Мы вошли в большой гулкой и так знакомо пахнувший смазкой, резиной, бензином и пластиком ангар. То и дело со всех сторон раздавались звуки и слова, как лезвия, вскрывающие надёжную упаковку памяти прошлой жизни.

— Ключ на двенадцать кинь, карбы отсинхронить надо... Где замена для этого гидрошланга, какого чёрта тормоза ещё не прокачали! — и тому подобное звучало отовсюду, переплетаясь со звуками сварки, скрежетом металла и короткими взрываниями запускаемых для проверки движков и моторчиков сервоприводов и стартеров.

— Александр Александрович Самострелов, или просто Сан Саныч, — произнёс невысокий, но крепко сложенный немолодой человек, крепко, как-то по-военному сжимая мою правую руку и похлопывая меня по плечу, продолжил: — Я здесь и главный конструктор, и механик, и завхоз. Если надо, и боцманом могу, — рассмеялся дядька. — А ты Борислав-Барсук, бывший байкер и будущий гонщик? — с ходу пошёл в атаку Боцман, видно, проверяя, из какого я теста.

— Ну, байкеров бывших не бывает, а гонщик, может, и получится, не зря же меня сюда притащили. Или, может, вам сортировщиков винтиков не хватает? — поддерживая тон разговора, ответил я.

«А этот дядька мне однозначно нравится», — отметил я где-то у себя в мозгу мелькнувшую мысль.

— А это ты правильно говоришь: винтики, может, тоже посортировать придётся, а вот гонщик из тебя с таким подходом получится точно, не то что из некоторых. Ну да ладно, Барсук. — Сан Саныч как-то резко посмурнел и продолжил более официальным тоном: — Это технический центр проекта «Блайнд нэт», а конкретно — та его часть, где мы перевернём мир с ног на колёса. «Слепые гонки» — это наш самый авантюрный и секретный проект. Если всё получится, то мы удивим весь мир. Ну да ладно, пошли, покажу, что уже есть... — И Сан Саныч потянул нас в сторону дальней части ангара, откуда наряду с уже описанными звуками, доносился запах канифоли, стрекотание чьих-то пальцев по клавишам и уже знакомый голос системы «Ариадна».

Он подвёл меня к стенду, где стоял простой карт, каких навалом в любом парке культуры и отдыха или развлекательном центре, но к этому были приварены дуги каркаса безопасности и весь аппарат был увешан какими-то электронными блоками и жгутами проводов, а на руле были нанесены тактильные отметки, делавшие его похожим на циферблат немислимых самоходных часов.

— У тебя твой прототип с собой? — как будто опомнившись, спросил Сан Саныч.

— Конечно, он всегда со мной, — сказал я, доставая ноутбук-прототип из небольшой набедренной сумки, чем-то напоминавшей кобуру.

— Давай его сюда, поставим необходимый софт и блок расширения прилепим. — Саныч забрал у меня ноутбук и дал мне в руку здоровенный округлый предмет, облепленный проводами не меньше карта, на поверку оказавшийся очень похожим на мой бывший модуляр мотоциклетным шлемом со смонтированной в нём непонятной аппаратурой. — На, примерь и надень жилет для нагрудного ношения ноутбука.

Шлем удивительно удобно сел мне на голову, а возвращённый мне каким-то молодым парнем прототип как влитой лёг в нагрудную сумку, щёлкнувшись во встроенный разъём на жилете. Шлем тоже соединили с жилетом прочным шлейфом наподобие тех, что используют военные пилоты, подключаясь к бортовому компьютеру.

— Садись в карт, проверим системы, и заодно объясню тебе, в чём смысл этого всего железного безумия.

— Окей, ребята, вы тут дальше без меня разбирайтесь, а я пойду к начальству, выясню, что к чему, да формальности улажу, — неожиданно откуда-то сбоку проговорила наша прекрасная леди-инструктор и, не дожидаясь ответа, удалилась в неизвестном мне направлении.

004. Первый вальс на взлётной полосе

Я аккуратно, стараясь не задеть явно находящуюся в процессе постоянного усовершенствования навесную аппаратуру, ощупью забрался в не слишком уютную и просторную кабину будущего болида. Вставил быстро отстёгивающийся шлейф от прототипа в специальный порт на ближайшей к креслу коробочке с какими-то платами и проводами. Как мне сказал Саныч, в шлеме зазвучали цифры от одного до шести, а звук при этом двигался спереди назад по часовой стрелке; достигнув же положения «ровно сзади», обозначенного цифрой «6», звук вернулся в переднее центральное положение, начал считать от нуля до минус пяти, двигаясь в противоположном направлении.

— Тест звуковой системы завершён, — сообщил голос моего же прототипа.
— Поверните руль последовательно во все отмеченные положения.

Мне оставалось только последовать указаниям системы, называвшей номера отметок на руле.

— Нажмите кнопку на правой части руля для проверки системы связи и визуального контроля. — Большой палец лёг на шершавый выступ с рельефным изображением телефонной трубки и медленно вжал её.

Сперва меня чуть не оглушил нарастающий гул и писк в наушниках, но спустя секунды две я услышал отдающий микроэхом голос Боцмана:

— Ну что, пилот, Центр контроля приветствует тебя, — торжественно изрёк Саныч, — заводите моторы, господа, изображение с камеры стабильно, можно начинать.

Меня прошиб холодный пот, происходящее казалось нереальным, бредовым, нарушающим все законы бытия, но оттого ещё более затягивающим и манящим вперёд сном наяву.

— А где запуск-то? — неуверенно спросил я и не узнал своего срывающегося от волнения голоса.

— Кнопка в центре руля со вставленным в неё ключом, — получил я указания и, нащупав левой рукой заветный ключ, вдавил его с замиранием сердца.

Тихо прожужжал электростартер, легко проворачивая железное нутро двигателя, и тот бодро бухтел в ответ. Судя по звуку, это был легендарный мало кубатурный хондовский агрегат серии «Суперкуб», а точнее, наверное, его более современный клон с автоматической коробкой передач из Поднебесной. Данное обстоятельство, надо сказать, меня немало обрадовало, так как движок я этот — правда, в варианте с механикой — знал и заслуженно любил по прошлой мотоциклетной жизни.

Стенд медленно пошёл вниз, а вместе с ним начали открываться ворота в стене напротив, сердце зашкаливало от ожидания, как у юнца, спешащего на многообещающее свидание.

Ворота лязгнули и замерли в верхнем положении, стенд чуть наклонился вперёд.

— Барсук, слушай меня внимательно, — строгим голосом инструктора по управлению ядерной ракетой начал Саныч. — Перед тобой бывшая взлётно-

посадочная полоса, огороженная барьером из старых покрышек. Сейчас мы попробуем прокатиться по ней и пару раз повернуть. На дуге над рулём установлена широкоугольная видеочамера, картинка с неё отображается у меня на экране. Когда нужно повернуть, я скажу «левый» или «правый» — это поворот, а потом — цифру от одного до четырёх. «Три» — это девяносто градусов, то есть прямой угол, понятно?

— Вас понял, товарищ боцман, — тем же тоном ответил я.

— Я тебе дам боцмана, салага, — раскатисто засмеявшись, гаркнул Самострелов, разом ликвидировав всё нервное напряжение. — Три, два, раз, пошёл! Дави на газ, попробуй эту зверюгу в деле!

— Погнали! — Нога медленно, словно щупая почву, коснулась педали газа. Аппарат содрогнулся чуть сильнее и осторожно подался вперёд. Сердце замерло и забилось сильнее, внутренний голос тихо шепнул: «Всё под контролем Саныча».

И словно в подтверждение этого в шлеме прозвучала одобрительная команда Боцмана:

— Вперёд, вперёд, не бойся, жми на газ!

И я вжал!

Надо сказать, сперва показалось, что болид сейчас взлетит или куда-нибудь впишется, но, вспомнив слова про заброшенную «взлётку», я отдался безумному вихрю скорости ветра и, уже казалось, навсегда забытого дорожного адреналина с запахом бензина.

Вибрации болида сливались воедино с зашкаливающим ритмом сердца. Ветер, проходящий сквозь приоткрытый визир шлема, обжигал лицо, как долгожданный поцелуй. Руки лежали на трепещущем руле, как на плечах любимой, но, казалось, навсегда потерянной, а теперь нежданно вновь обрётённой женщины, — уверенно, умело, но при этом касаясь его бережно и почти невесомо.

Секунды и минуты этого полёта слились в безумный экстаз единения человека, техники и дороги, победы над обстоятельствами, какая возможна, только если фраза «бензин в кровь попал, пиши пропало» — про тебя на все сто.

— Притормози, левый один. — Как продолжение танца скорости, я чуть коснулся тормоза и быстрым движением сдвинул руль влево на одно деление, вернув его обратно спустя секунду.

— Хорошо, теперь правый два, а потом ещё раз правый два и правый три, — голос Самострелова звучал резко, почти механически, а мои руки несколькими чёткими движениями бросили карт в дугу разворота.

— Корректировка, левый один, — рявкнул Боцман — и я дёрнул болид немного влево, вместе с тем поддавая «газку».

— Я-хху-у-у! Вот это класс, что дальше делать, командир? — вырвалось из горла само собой.

— Отлично сработано, Барсук! А теперь можешь повыписывать кренделя в вольном стиле. Если приблизишься к краю, в шлеме со стороны опасности начнёт пиликать, так что расслабься и получи удовольствие, — хихикнул дядька.

Прежде чем пустить себя и болид в безумный пляс поворотов, заносов и ускорений, я решил проверить одну свою гипотезу. Разогнавшись, я резко отклонил

тело вправо, потом влево и был приятно удивлён услышанным в шлемофоне:

— Это ты как это перестроился? Не касаясь руля?

— Наклоном тела, как на байке, — с нескрываемым удовольствием огласил я.

— Назовём это сдвигом влево или вправо, ОК?

— Лады, а теперь рррок энд рёв. — И я, резко вдавив газ, одновременно коснувшись на долю секунды педали тормоза, резко отклонился вправо, чуть дёрнув туда же руль, тут же пустил железного зверя наворачивать круги в контролируемом заносе.

Минут двадцать длился безумный вальс на старой «взлётке». Пару раз я слышал то сбоку, то спереди опасливый писк системы контроля периметра — вдавливал тормоза в пол и аккуратно выводил карт из опасной зоны. В адреналиновой горячке казалось даже, что на доли секунд я видел; видел и трассу, и руль, и свои руки, его крутящие, но, конечно же, это всего лишь казалось... А кто знает, может, и нет?

— Шикарно, просто-таки фигурное катание, — голос принадлежал не Боцману.

— Да что ты в езде-то понимаешь! Кого там вместо меня на площадку ещё выпустили?

— У нас новый пилот, — проговорил тот же голос, принадлежавший Маше, но искаженный помехами, а оттого и не узнанный сразу.

— Какой к чёрту новый пилот! Я тут пилот, а все остальные — дети, а Саныч ваш просто псих гаражный. Я своих механиков вызвал уже, мы вас порвём, как котят! — распалялся неизвестный мне голос.

— Крот, закрой рот и отвали, мне неинтересно твоё завышенное самомнение!

— Тебе идёт раздражённый тон.

— Я сказала — отвали. У вас своя команда, у нас — своя. Покинь помещение, и, кстати, Александр Александрович — военный инженер, к твоему сведению.

Я так и застыл около одного из краёв поля от услышанного. Из ступора меня вывел приказ Боцмана:

— Азимут ноль, двигай по прямой, попадешь домой. За тридцать метров до ворот включится зуммер, тогда тормози и, ориентируясь на этот звук, медленно ползи в ворота.

— Вас понял. — Я, не особо разгоняясь, поехал в направлении ангара. В ушах всё ещё звучал услышанный, наверное, не без помощи Боцмана минуту назад разговор. Разговор, положивший начало непримиримой вражде, чем-то напоминающей старинный рыцарский турнир. Только в тех турнирах, в отличие от нынешнего, честь была у обеих сторон...

Звук зуммера медленно смещался то вправо, то влево. Филигранно играя педалями, стараясь держать минимальную скорость и до крайности аккуратно

шевелия рулём, я завёл аппарат в ангар и, услышав, кроме зуммера, почему-то зазвучавшего сзади, звук близости препятствия прямо по курсу, убрал ноги с педалей, вынув ключ из замка зажигания и заглушив двигатель.

— Поздравляю, Барсучара, с первым самостоятельным вылетом и, так сказать, со сбычей мечт! — выпалила в повисшей на секунду тишине Маша. — Неплохо, даже очень, для первого раза!

— Прости меня за утренний срыв, чтобы я без тебя делал, — выбравшись из кабины и прижав девушку к груди, искренне, чуть не плача от счастья, заявил я. — И вам, Сан Саныч, спасибо, вы просто техноволшебник, а этого Кротовенко вы не слушайте, такой командой мы их сделаем, будьте уверены!

005. Неспортивная борьба

Потянулись бесконечные дни изнурительных тренировок, тестов, упражнений и разборов полётов. Дни головокружительных побед над самим собой и не менее оглушительных провалов, грозивших закрытием если не всему проекту, то нашей группе уж точно.

Но обо всём в своё время.

И первое из череды испытаний не заставило себя ждать. Утром спустя где-то месяц мы с Санычем как раз только пришли с пробежки вокруг злополучной «взлётки» и даже не успели отдышаться, как в наш сектор вбежала чем-то явно взволнованная Мария и с порога нас огорошила:

— Эти гады под нас копают, у них целый воз дерьма про нас, всё — хана, они нас выжмут!

— Да успокойся же ты, расскажи всё толком, — остановил её Боцман. — Кто и что про нас накопал, и какого чёрта нам вдруг хана, а не им?

— Крот — скот такой! У них полный компьютер всякой дряни: и наши внутренние отчёты об опасных неполадках, и видео с твоими, Барсук, безрассудствами на трассе.

А надо сказать, такого рода записи существовали в избытке. Приноровившись к направленному звуку системы контроля препятствий, я то и дело норовил развернуться в сантиметре от заграждений, а как-то умудрился загнать карт в ворота почти задом при помощи дрифта и «какой-то матери». Да и наши разговоры эти скоты каким-то макаром подслушивали и монтировали. Попади это всё к чинушам и даже нашему начальству, и всё — «кирдык котёнку».

— Н-нда, весёлые дела, — почесав затылок, пробормотал Боцман и уже отчетливее добавил: — Хотел бы я знать, какая шакаля шкура им всё это слила: не Васька же техник. А больше подумать и не на кого. Ладно, разберёмся. А сейчас вот что: надо всё это дерьмо с их компа, желательно вместе с самим компом, изничтожить.

— Друге, а ведь «Ариадна» — это «Юникс», да к тому же отлично с консолью работает, а я до аварии не только на байках гонял, но и в сетях неплохо шарил, — ухмыляясь, проговорил я.

— И что, ты предлагаешь взломать их сектор? — изумилась Маша. — Сможешь? Помощь нужна?

— Да, именно так. Обещать ничего не могу, слишком давно не практиковался, но попробую. А помощь будет не вредна: искать невесть что в глобальной инфопомойке интернета все же видя проще, чем на слух, а главное — быстрее.

— Ну, тогда марш, задраивай люки сектора, — усмехнулся Боцман, — а я щас ещё пару ноутбуков включу — мне да Марии, чтобы тебе, Борислав, помочь.

Руки привычно легли на рельефную клавиатуру прототипа, лежавшего на столе совещаний прямо передо мной. Мария и Саныч разместились по обе стороны от центрального модуля связи, готовые выполнять оперативные указания.

— Добро пожаловать в «Блайнд нэт», Барсук! — произнёс голос «Ариадны»

стандартное приветствие. — Что вы хотите делать сегодня: один — обучаться работе с системой, два — пользоваться интернетом, три — общаться, четыре — работать с документами, пять — слушать музыку, шесть — ознакомиться с информационной базой, семь — другим делом.

— Семь, консоль, — быстро произнёс я, не дослушав предлагаемый список до конца. Я привычно вызвал экран терминала, хотя почти полностью голосовой интерфейс и голосовой гид были даже мне, закоренелому консерватору, очень удобны, все же для предстоящей работы мне была нужна старая добрая командная строка и полузабытый софт из арсенала моей юности, работающий в терминальном режиме.

Установив несколько программ и открыв во втором окне консоль вывода, я приступил к почти что мыслительной медитации под бесконечный звуковой поток отчётов о работе сканеров и анализаторов.

— Есть! Пробейте мне инфу по вот этим сервисам, ща скину вам, они у Крота в не стейбл-версиях.

Сбрасывая помощникам по прямой связи отчёт о работе одной из программ, я спросил:

— Чего с этим сделать можно?

— Да есть тут для них сюрприз один, — прохихикал Боцман. — Маш, загрузи им канал, а ты, Барсук, вот этим ему удружи.

Пальцы взвились в интуитивно знакомом танце над клавиатурой, плетя, почти как древний колдун заклятия, вязь гибельного кода, предназначенного для системы бессовестного Крота...

Спустя полчаса я откинулся на спинку кресла и, небрежно уставшим движением сорвав с головы гарнитуру, изрёк с соответствующим моменту выражением:

— Ну, вот и всё! Был Крот, да вышел весь. Нет у них больше ни сервера, ни прототипа. Копали дерьмо на нас, теперь пусть сами из него вылазят. А кстати, Саныч, я у них упёр часть данных по их программе развития, ознакомься, может, чего интересного накопаешь. Им всё равно с начала всё начинать, походу.

Все сидевшие за столом негромко засмеялись.

— А теперь айда на трек! — гаркнул Боцман.

Уже привычные действия: шлем одет, прототип на месте, ключ на старт — и вновь вихрь скорости, и снова рёв мотора сплетается со звуками системы ведения, снова мне кажется, что я вижу руки, руль, трек. Снова кажется, а может, всё же и нет...

Произошедшее с утра растаяло в этом скоростном безумии и казалось гораздо менее реальным, чем эти призрачные картины, проскакивающие всё чаще перед глазами во время тренировок.

006. Не треком единым

— Внимание всему персоналу! — звучал монотонный женский, но какой-то неживой голос как будто отовсюду. — Сегодня с пятнадцати часов ноля минут деятельность технического центра приостанавливается. Всем персоналу предписывается прекратить все работы и процессы и покинуть территорию объекта. В случае невыполнения данного предписания будут приняты адекватные полицейские меры. Повторяю... — и те же парализующие волю и мысли, ужасающие своей неожиданностью и несвоевременностью слова раз за разом разносились по, казалось, омертвевшим залам с замершими в оцепенении, подобно восковым фигурам, людьми.

Казалось, мир вокруг замер, затих и, подобно воде в только что открытой на слив ванной, стал скручиваться и вжиматься в точку этих люто невозможных слов, как в сливное отверстие. Всё, чем жили три с лишним десятка молодых и не очень людей последние полгода, зависло в нескончаемом прыжке над бездной забвения и ненужности.

«Позволят ли забрать прототипы? Что будет с немислимо сложными и уникальными образцами машин, приборов, амуниции и программ? Что из плодов их самоотверженного труда получит шанс увидеть свет и послужить и так слишком много потерявшим людям, а что сгинет в архивах и складах навечно?» — это только часть тех вопросов, что носились сейчас в головах Сан Саныча, Марии, моей, да и наверняка Крота с его командой. Что уж говорить, во всех здравомыслящих головах сотрудников техцентра.

В том, что между собой мы уже не потеряемся, что мы — уже команда и даже больше, — по крайней мере, мы трое были абсолютно уверены.

В углу коммуникационной зоны нашего сектора навязчиво, мерзко и как-то архаично задребезжал старенький бездисковый телефонный аппарат внутренней связи. Создавалось впечатление, что этот доисторический агрегат просочился сюда из далёкого советского прошлого, когда в этом здании располагалось какое-то закрытое НИИ «чаво-то там».

— Самострелов у аппарата, — схватив трубку, выпалил Боцман, становясь похожим на декорацию из того же фильма, что и этот древний телефон. — Так точно, вас понял, быть всей группой в полдень у вас, Семён Петрович. — Саныч плюхнул трубку на рычаг и медленно, как бы сдавленно, проговорил:

— Ну что ж, ребятки, может, не всё ещё и потеряно. В полдень нас всех ждёт главный, говорит, будем думать...

Длинный коридор-переход с окнами по обе стороны, устланный мягкой ковровой дорожкой, гасящей звук шагов, соединял то крыло здания, где располагался технический центр, с административной частью комплекса на уровне второго этажа. Оба крыла здания и этот переход с расположенным под ним контрольно-пропускным пунктом для транспорта, оборудованным громадными автоматическими воротами, образовывали три стороны квадрата. С четвёртой же стороны располагался бывший ангар-склад, сейчас переоборудованный под гараж и закрытый всепогодный полигон. Имел он три входа-въезда: во внутренний дворик, в конструкторский зал и на «взлётку».

Когда мы втроём шли по переходу, Саныч с грустью заметил, что охрана комплекса, усиленная какими-то ребятами в костюмах «Бекас», масках и с пистолетами-пулемётами «Кедр», уже толпилась у всех въездов и входов, как будто ожидая только команды перекрыть всяческое движение.

Они уже развернули небольшой грузовичок с изображением крота-робота, пытавшийся выехать с территории, судя по всему, с двухместным баггиобразным уродством команды наших оппонентов на борту. Это зрелище, описанное Боцманом, стало неожиданным и неприятным ответом на вопрос о судьбе экспериментальной техники. Если даже этот неуклюжий кусок железа не позволили вывезти, то нашпигованный хитроумной электроникой параболид точно не позволят даже из технички выкатить.

В кабинете прямо напротив коридора-перешейка у открытого окна стоял немолодой и, судя по неуклюжему пыхтению при каждом движении, грузный человек, представлявший собой классический образчик хозяина подобного начальственного кабинета с сорокалетним стажем, не являвшегося в действительности хозяином ничему, кроме копившейся все эти годы ненависти к этому самому месту и осознанию с каждым кажущимся шагом вверх степени своей малозначимости и падения вниз пирамиды истории. Однако Семён Петрович Брылин, как звали этого, на первый взгляд, неприятного человека, относился к удивительно редкой породе своих кабинетных сородичей: он не только осознавал всё истинное положение дел, но и в силу своих скудных свобод и возможностей, оставляемых ему инструкциями, старался исправить хоть толику творившейся вокруг несправедливости или по крайней мере не мешать другим это делать.

Этот факт и послужил поводом для нашего вызова в его кабинет в этот тревожный день.

— Коллеги, — начал, чуть растягивая слова, но при этом торопливо их подбирая, хозяин кабинета. — К моему преогромнейшему сожалению, все проекты серии «Блайнд спорт» приказано заморозить за отсутствием финансирования и в случае ненахождения им реального общегражданского применения закрыть и передать в государственные архивы. Я не знаю, кто и где проворовался или, может, просто не с той ноги встал, но нас посчитали очередным никому не нужным развлечением. И судя по всему, к этому причастен уволенный месяц назад ваш недотёпа-техник. По крайней мере, именно на это мне намекнули сверху.

— Но, Семён Петрович... — начал Боцман.

— Саш, не надо мне ничего объяснять, — перебил его главный. — Если ты не заметил, то Кротовенко здесь нет, а вы в полном составе присутствуете, и именно потому, что тебя, Саныч, я знаю как облупленного, и притом с лучшей стороны. И знаю, что вы выкрутитесь, а они — не факт, что просто не обхамят вместо попыток найти выход. Сегодня, а точнее, прямо сейчас берите свои ноутбуки и налегке идите по домам, а я попробую похлопотать, чтобы карты доступа заблокировали только зрячим, а дальше сами думайте. Всё, идите, пока ещё всё более-менее спокойно.

007. Виртуальность наяву

Как и советовал Брылин, мы, не заходя в технический зал и даже не попрощавшись с уже полюбившимся параболидом, вышли на улицу через проходную административного корпуса и направились к стоянке маршрутных такси, так как машина была ради непривлечения внимания оставлена на территории комплекса.

По правде сказать, была у всего происходящего для меня лично и хорошая сторона. Забыв свою трость в кабинете главного, я сейчас шёл, взяв под руку немного обескураженную произошедшим Машу, и, наслаждаясь прикосновением её нежной кожи к своей, мурлыкал ей на ухо что-то насчёт непобедимости верящих в успех, необходимости не сдаваться и тому подобную чушь, способную успокоить лишь отчасти, но звучавшую как-то по-рыцарски и оттого под стать моменту.

Добравшись таким вот порядком до стоянки маршруток, мы еле успели запрыгнуть в уже собравшийся отъезжать незаполненным микроавтобус, принёсший мне ещё один замечательный сюрприз. А дело было, собственно, вот в чём: подходя, а точнее, подбегая к маршрутке, мы умудрились пропустить вперёд себя немислимых размеров даму, к тому же, видимо, просто-таки увешанную сумками, пакетами и авоськами. Вследствие данного, так сказать, «пропущения» вместо четырёх посадочных мест в спешащей отбыть на маршрут шайтан-повозке типа «газель» осталось только два. И мне пришлось временно превратиться в замену удобного кресла для хрупкого прекрасного создания по имени Мария, что, к слову, доставляло мне некоторое удовольствие и явилось как раз тем самым позитивным сюрпризом.

— Хорошо, коллеги, — выдохнул Боцман, спрыгивая последним с подножки маршрутки уже около станции метро, — предлагаю выпить пивка и расслабленно и неспешно обдумать дальнейшее.

— Добрая мысль, — ухмыльнулся я, — айда ко мне, у меня как раз ящик прекрасного живого пива «Била нич» уже месяц со дня рождения стоит, да и живу я один, так что никто не помешает.

— А что, ведь можно, — гыкнул Саныч, — что на это скажет юная леди?

— А юная леди тоже не чужда ничему земному, только, главное, не переусердствовать, а так, погнали, — хулиганисто засмеявшись, она потянула меня вперёд, навстречу предстоящему долгожданному шансу расслабиться впервые, пожалуй, за всё время с начала проекта.

И чудилось мне в этот день ещё не раз, что нет ни слепоты, ни уже более года длящихся испытаний и невзгод после той аварии, да и что аварии-то тоже не было. Как будто возвращался я в такие моменты в свою безрассудно-светлую институтско-неформальную юность, залитую весенним солнцем, смехом и ароматным пивом несуществующих уже сейчас сортов.

Сидя вокруг невысокого журнального столика, сделанного из старого мотоциклетного переднего колеса семнадцатого радиуса с тормозным диском и куска оргстекла и допивая уже минимум третью бутылку ароматного напитка богов и байкеров под звуки бессмертных хитов «Эй-си/ди-си», наша весёлая компания травила анекдоты; Саныч рассказывал байки из своей, как оказалось,

рокерской молодости, как вдруг Маша прервала всех с видом человека, в одну секунду осознавшего все секреты бытия...

— Братцы, а давайте Барсука за закусью в магаз пошлём! — выпалила она, вскочив, резко схватила что-то с полки стоявшего вдоль всей комнаты шкафа и подскочила ко мне обратно, надела мне это что-то на голову. — При помощи вот этого!

Шок от первой части фразы сменился улыбкой озарения, как только я ощупал надетый на меня предмет. Это была подаренная мне ещё лет пять назад и жутко крутая по тем временам видеокамера для экстремальных съёмок, выполненная в виде налобного фонарика с блоком разъёмов в отдельном корпусе на затылке.

Чёрт возьми, как я мог забыть про тот факт, что, кроме всего прочего, этот чудо-прибор мог ещё работать в качестве веб-камеры!

Гениальность идеи нашей юной леди захватила малость подпившую нашу компанию без остатка.

Спустя два часа я стоял у своего же подъезда с закреплённым под курткой прототипом, гарнитурой в ухе и камерой на лбу. На окне квартиры, из которого был виден злополучный магазин, стоял извлечённый из старых запасов мощный вайфай-передатчик. За столиком же, освобождённым от бутылок и чипсов, сидели Мария и Саныч, глядя на монитор ноутбука, являвшегося сейчас, можно сказать, пультом управления «барсуками»: изображение на их экране было тем, что видел бы сейчас я, имей я такую возможность.

— Медленно вперёд, через пять шагов левый три, левый три, сдвиг вправо, а теперь иди вперёд, пока не скажу чего-нить другого. — Маша, кажется, наслаждалась происходящим. — Стоп, правый два чуть левее, отлично, иди вперёд, осторожно, ступенька вниз, отлично, продолжай в том же духе.

Я уверенно шёл по этим командам, и казалось, что, как и на трассе, перед глазами иногда проскакивали призрачные узоры реального видимого мира.

Уже месяца полтора Мария исполняла обязанности моего штурмана на тренировках в техцентре и очень уверенно принаоровилась к «барсуководению» на треке. Сейчас же она без всяких проблем довела меня до магазина и обратно, да и покупки помогла сделать, когда удалось унять удивление работавшей там немолодой женщины, знавшей, что я не вижу, и даже немного перепугавшейся, увидев меня одного, без трости, да к тому же с явным пивным душком. Но спустя пятнадцать минут я уже поднимался по лестнице в свою квартиру с двумя здоровенными мешками снеди.

— Видел бы ты лицо продавщицы, — только я успел закрыть за собой дверь, выпалил Саныч, — как марсианина увидела! Хорошо это ты придумал ей про образную память и открывающиеся у людей способности загнул, а то заколебались бы на расспросы каждой старушки отвечать. А так всё просто и понятно народному сознанию: перепил человек травмированный, вот и стал со сверхспособностями, не то что учёный какой-нить, — просто, понятно, и вопросов не вызывает.

Вся квартира залилась нашим дружным смехом.

Следующие два дня мы провели за усовершенствованиями и испытаниями

нашего, так сказать, конверсионного изделия. Было принято решение, что вайфай — это слишком, пустили связь через мобильный канал интернета. Таким образом, мы начали терроризировать не только ближайший ларёк, но как-то довели меня аж до другого конца района, вызвав целый шквал расспросов со стороны моего старинного друга, там обитавшего.

— Борислав, ты ли это? — не сразу разобрал я голос бывшего одноклассника сквозь команды в наушниках, перемежёвывающиеся иногда с весьма едкими и смешными, но при этом очень объёмистыми и яркими зарисовками Марии о видимом моими новыми киберглазами. — Ты что, мужик, прозрел, что ли, или как ты сюда сам-то забрёл?

— Паш, ты, что ли? — узнал я приятеля. — Да нет, не прозрел ещё пока что, к сожалению, а забрёл при помощи друзей и техники.

И я вкратце ему рассказал про нашу работу. Павел сначала и не поверил даже, а когда узнал о моей новой работе в техцентре и наших проблемах, хлопнул меня по плечу, да и выдал:

— Барсук, братуха, а ты угони свою багги, у меня сервис свой недалёко от вашего центра, если я всё понял про центр правильно, — начал Паша, протягивая мне бутылку пива, купленного только что за встречу, — так перегоните аппарат ко мне, мои ребятки да с вашим, как ты там говоришь, Боцманом...

— Сан Санычем, Паша, — поправил его я, зная, что Боцман уже и так злился в наушниках за мою излишнюю откровенность.

— Да хоть с Петром Петровичем! С вашим гением-инженером вы на моём сервисе из вашего параболида реальный космический корабль забабахаете! Давай, братуха, а я тем временем позвоню в пару мест, может, и отцепятся от центра вашего, да и мне реклама, — буркнул Павлуха, рассеяв последние сомнения в нашей команде по поводу дальнейших действий.

— А чем чёрт не шутит! — махнул я рукой. — Давай рискнём, нам не привыкать.

— Только я не чёрт и не шучу, — рассмеялся Паша. — Значит, договорились, жду звонка.

И выбросив почти синхронно бутылки от пива в урну, мы пожали руки и пошли каждый в свою сторону.

К вечеру же того дня Боцману позвонил, судя по голосу в динамике, просто-таки замочаленный проверками Брылин и, как и было обещано, сообщил, что, несмотря на весь разгром в комплексе, он-таки добился, чтобы моя карта доступа не была заблокирована. Но на этом хорошие новости закончились. Как поведал Семён Петрович, наш уникальный болид был выкачен во внутренний дворик и просто накрыт каким-то брезентом, а все приспособления из сектора свалены в здоровенные коробки и брошены рядом. Машины же сотрудников вытолканы за ворота и доставляли кучу неудобств водителям такси, там парковавшимся.

Проанализировав всё вышесказанное, мы тут же позвонили так удачно появившемуся Павлу и договорились, что операция «Слепой угон» назначается на следующую ночь...

008. Слепой угон

Фургон для перевозки квадроциклов, снегоходов и тому подобных полуспортивных снарядов, одолженный на эту ночь у Перца (так в компании звали моего друга Павла), стоял с заглушенным двигателем в двух километрах от техцентра. Рядом притаился Машин фольксваген гольф джи-ти-ар, ещё утром, к несказанному облегчению таксистов, перегнанный своей любящей хозяйкой от центра к Паше в сервис. Всё было готово для начала операции.

Воодушевления добавлял тот факт, что ещё вчера вечером все охранники и автоматчики почему-то покинули территорию объекта, оставив всё на усмотрение автоматизированной системы безопасности комплекса. И могли бы они вообще ни о чём не беспокоиться — даже «Моссад» не проник бы через этот бастион, — если бы не одно их наивное допущение: допущение, что слепой человек не способен никуда проникнуть, навязанное им предусмотрительным Брылиным.

— Итак, товарищи, план операции таков, — Боцман как заправский командир вёл импровизированный предполётный инструктаж в кузове фургончика. — Мария, позывной — «Челнок», быстро доставляет Барсука, позывной — «Рыбак», на расстояние пятидесяти метров до проходной автовхода объекта — это граница действия камер наблюдения центра. Я же, взяв позывной «Порт», подгоню фургон в условленное место и включу радиомаяк. Как только его услышишь, езжай за ним, как по системе ведения, а в паре перекрёстков от точки сбора переседаешь в челнок, а я болид в фургон загружу и айда на базу, всё понятно?

— Так точно, сэр, — почти в унисон прошептали мы с Марией, уже выскальзывая из фургона...

— Порт, я Челнок, Рыбака на берег высадила, веду наблюдение, — дав по газам, едва я успел выйти из машины, отрапортовала Маша.

— Я Порт, вас понял, принимаю контроль. Рыбак, как меня слышишь? — пробурчал Боцман, выводя изображение с моей камеры на дисплей.

— Порт, я Рыбак, к рыбалке готов, дайте фарватер, — ответил я.

Пользуясь всё теми же командами, что и при прогулках за пивом, мы легко достигли служебной двери главного транспортного КПП центра.

— Рыбак, перед тобой металлическая дверь КПП. Здесь, в отличие от привычного тебе входа в комплекс, сканер не справа, а слева от двери, нашёл? — спросил Боцман.

— Так точно, уже карту приложил, прохожу идентификацию по отпечатку, — тараторил я, пока не раздался щелчок с двойным писком, оповестивший об успехе. — Есть! Проход открыт!

— Отлично, не забудь дверь закрыть изнутри, а то ворота не откроются, — вещал в гарнитуре Саньч.

Итак, я был внутри. Ощупью преодолел турникет-вертушку в проходной, толкнул следующую дверь и очутился во внутреннем дворе. Теперь нужно было найти наш аппарат, а потом вернуться к воротам, начать их открывать и, пока они медленно, подобно гигантским челюстям, открываются и спустя короткий миг начинают опять захлопываться, грозя прожевать зазевавшийся транспорт или

человека, успеть вернуться к болиду, завести его и выскочить из этой пасти.

— Рыбак, осмотрись, да, хорошо, левее, — тараторил координатор, — вот он, родимый, иди левый два, десять вперёд, окей, правый четыре, осмотрись, ага, вот он, стоп, — торопливо довёл меня Боцман до некоей конструкции, укрытой брезентом. — Сдёргивай это рублище с нашего красавца, — приказал командир, и я, протянув руку, аккуратно сдёрнул, свернул в ком и бросил куда подальше брезент с нашего совместного творения.

— Так, вроде всё в норме. Ага, третий слева ящик, из него шлем торчит, возьми его. — Я достал из кучи превращённой в хлам аппаратуры наш любимый шлем, к всеобщему удовольствию, оказавшийся целым.

— Давай на него камеру вешай, а шлем подключай — и вперёд!

— Окей, Порт, вас понял, начинаю, — ответил я, надел всю экипировку, дошёл до сканера ворот, активировал его по указаниям Боцмана (к слову, пришлось ввести какой-то код, о котором меня предупредили только за минуту до его ввода — хвала богам дорог, Саныч его знал).

И вот, когда я уже сел в привычное кресло параболоида и вжал ключ зажигания, мечтая о скорейшем завершении операции, вместе с почему-то не особо ровным звуком движка и отчётом самотеста аппарата весь мир этой ночи и мой обострённый слух сотряс жуткий вой тревожных сирен и проклятый механический голосище: «Внимание, несанкционированное проникновение! Внимание, нарушитель, оставайтесь на месте!» — жутко орало всё вокруг, заглушая рёв движка и сирен.

— Рыбак, это Порт, быстро убирайся оттуда! Давай, жми на газ! Правый два, уклон влево, твою дивизию, ворота ща закроются, у нас одна попытка...

Сердце билось, как пулемёт, а в ушах звучали выкрики Боцмана. Словно вернувшись в далёкую юность экстремала, тело превратилось в отлаженный механизм, а разум не способен был даже допустить вероятность какого-либо исхода авантюры, кроме победы.

И снова в тот момент, когда болид скользил между, кажется, уже зажимающими его борта челюстями ворот, почудилось мне, что на мгновение зрение ко мне вновь вернулось, позволив вовремя повернуть руль и не попасться в смертельную ловушку. А может, это просто я уже настолько, практически кожей чувствую болид? Кто знает, кто знает, а сейчас не до сомнений и размышлений.

— Рыбак, с хорошей тебя рыбалкой! — гаркнул в эфир Боцман. — Но у нас проблемы, хотя, думаю, одну из них ты уже почувствовал. — И вправду, болид шёл не слишком-то и ровно. — А вторая в том, что сюда несётся вертолёт, и мне светиться на фургоне никак нельзя, поэтому пойдёшь за Марией, у неё тоже маяк установлен. Чешите до тоннеля под магистралью, а я там на аварийку встану с открытым въездом в фургон.

— Я Челнок, вас поняла, сейчас иду перед Рыбаком, включаю маяк, — в шлеме раздался знакомый звук системы траекторного сопровождения. — Рыбак, следуй за мной, скорость на максимум, асфальт хороший, да, и включи контроль препятствий.

— Челнок, я Рыбак, понял вас, иду на сопровождении, системы включены, — произнёс я голосом заправского пилота истребителя, а сквозь все звуки до

меня донёлся звук винтов низколетящего вертолѐта...

Но недолго длилась эта безумная гонка. Спустя несколько поворотов я сначала почувствовал, что стальной зверь теряет тягу, а через пару десятков секунд томительной борьбы с неполадкой услышал стремительно приближающийся сигнал препятствия и ещё какой-то неясный звук вместо маячка.

Приготовившись к худшему, я сгруппировался и не заметил даже, что нет звука вертушки. Когда же нос моего аппарата обо что-то легко ударился и начал задираться, а я уже прощался с остатками здоровья, в шлеме раздался голос, показавшийся голосом ангела, а оказавшийся голосом Марии:

— Рыбак, добро пожаловать в порт, снимай шлем и давай ко мне в машину, — добавила она, уже стоя рядом со мной, не верящим в свою удачу и счастливо ей ответившим:

— Ты — мой личный ангел и бес в одном лице, спасибо за всё! А теперь давай поскорей отсюда уберёмся. — И взявшись за руки, оставив даже камеру в кресле болида, мы побежали к её машине, счастливые как дети, чтобы через какие-то секунды из-под моста выскочило две машины, ушедшие кружить по утренним автострадам, а одураченная судьба-злодейка в лице вертушки преследователей осталась висеть над пустой дорожной развязкой...

009. А удача — награда за смелость

Ещё в первый день нашего знакомства, там, на презентации в клинике, ещё и не ведая, какие причудливые приключения нас ждут, почудилось мне, что изменилось что-то еле заметное в бесконечной музыке струн судьбы от еле ощутимого и вместе с тем обжигающего сильнее любого огня прикосновения её нежной руки и от вплетающихся тогда робко и несмело, но вместе с тем пронзительно и непостижимо нот заполнявшего сознание до краёв голоса её, твёрдого и ласкового одновременно.

Сейчас же, опалённые огнём адреналина ночной гонки, обдуваемые холодком предрассветного дорожного ветерка и согреваемые радостью нечаянного успеха, счастья от существования в этом бесконечно непредсказуемом мире друг друга и первыми выбивающимися из-за горизонта робкими лучиками солнца нового дня, мы, счастливые и верящие в удачу и успех, стояли на одной из смотровых площадок Третьего кольца и смотрели друг в дружку, как в мираж невообразимого счастья, душой, а не глазами видя больше любого самого зоркого снайпера, не открывая даже глаз.

— Ты привела меня обратно в жизнь, подарила вот это всё, — сказал я, приобняв Машу одной рукой за миниатюрные её плечики, зябко ёжившиеся под лёгкой гоночной курткой от утреннего ветра, а другой рукой широким жестом обвёл кругом, указывая на горизонт, — подобно героине фильма «Аватар», показала мне новую жизнь...

— Да перестань, Барсук! Я отнюдь не ангел. Ты прав был, зараза я ещё та. Это ты мне многое показываешь впервые: и силу бороться вопреки всему, и относишься так ко мне...

— Просто скажу фразой из того же фильма: I see you — я тебя вижу...

— Немыслимо и чудесно слышать эту приобретающую новую глубину в твоих устах фразу от тебя. — Она стиснула мою лежавшую у неё на плече руку своими тонкими пальчиками и, практически ощутимым взглядом посмотрев на меня, протянула замороженные три слова, только что приобретшие новый смысл: — Я вижу тебя, I see you...

Двасердца, неверивших уже было ни в что, две души, бесцельно носившихся по безумному и равнодушному миру и встретившись, уже не доверявших счастью, боясь быть обманутыми неверными дорожными миражами, в это утро обрели хоть и шаткую, подобно палубе каравеллы, но такую долгожданную опору в безграничном океане жизни и забились в унисон подобно двум поршням одного движка, единственным топливом которого подчас является вновь обретаемая и неугасимая надежда. Хотя, если задуматься, то первые шаги к этим дурманящим своей ирреальностью словам «Я вижу тебя» были сделаны в тот момент, когда один из нас стал глазами другого, а тот, в свою очередь, доверился первому полностью и без остатка, стал воспринимать всё многоцветие окружающего мира через призму сознания другого человеческого существа, от реакции и воли коего стала зависеть его жизнь и судьба.

Хотели мы этого в тот момент или нет, но и ещё одно общепринятое выражение принимало в такие моменты новое звучание: мы действительно становились двумя половинками одного целого. И тем ценнее было происходившее

сейчас у бордюра смотровой площадки рассветной «трёшки», чем больше я вспоминал, как Мария всеми силами оттягивала тот момент, когда она должна была стать моим оператором ещё на треке техцентра, мотивируя это в спорах со мной и Санычем своей неуверенностью и волнением за меня. Волнением за меня, столь уже непривычным, что ставшим для меня чем-то сродни чуду и незаслуженному подарку моей скромной персоне, но оказавшемуся предвестником чуда этого утра.

«...Надежда — наш компас земной...», — мелодия любимой с детства и такой уместной в это утро песни певицы, жившей тоже вопреки всем смертям, зазвучала сначала как будто в мозгу, но постепенно стала исходить извне, выдёргивая нас из уютной неги размышлений, может быть, и вслух под пригревавшими уже лучами утреннего солнца. Поначалу мы оба стали подпевать, и лишь когда запели по второму кругу, Маша вдруг встрепенулась...

— Алло, на связи, — отчеканила она, прервав музыку, оказавшуюся звонком мобильного. — Да, Саныч, всё отлично, через час будем в сервисе. Да так, просто не услышала звонка, хорошо, удачи...

Мария отключила телефон и, нехотя потягиваясь, промурлыкала:

— Эх, Барсук, хорошо мы тут пригрелись, даже жаль, что ехать надо, но Саныч говорит, что нас ждёт какой-то сюрприз, так что поехали. В конце концов у нас ещё вся жизнь впереди, а Саныч ждать не любит.

010. С-образный поворот

Спустя час, перекусив в попавшемся по дороге кафе парой сэндвичей и чашкой на удивление неплохого кофе эспрессо, мы, бодрые и ко всему готовые, уже подлетали к сервису Паши Перца, как вдруг Мария резко прибавила газу и, выдав длинную тираду хоть и цензурных, но весьма витиеватых выражений, резко нырнула куда-то во дворы, судя по донёсшимся в приоткрытое окно машины звукам детских голосов и лаю выгуливаемых в том же дворе собак.

— Приплыли, — выдохнула девушка, ставя машину на ручник, — там у входа к Пашке в сервис три «Волги Сайбер» чёрные, две из них с синими номерами, а третья Брылину принадлежит. Чё делать бум? Как они нас вычислили? Или это всё изначально подставой было?

— Но ведь Саныч сам нас вызвал, — удивлённо ответил я. — Боцман нас не предал бы ни за какие коврижки, сама же говорила, что он — вояка бывший...

— Да это-то понятно, а вот Брылин... — задумалась Маша. — Он же изначально нас подначивал, да и скользкий он какой-то тип...

— Ладно, Маш, как бы оно ни было, там Боцман, а он — часть нашей команды, а значит, остальное неважно, он бы нас не бросил.

— Верно говоришь, Барсук, — не задумываясь выдала осмелевшая Маша, — и мы своих не бросаем, так что поехали выручать.

Мы тихо выехали из дворика, послужившего нам укрытием, и спокойно въехали в ворота сервиса.

Сервис Паши представлял из себя двухэтажное здание, находившееся в углу довольно обширной заставленной разной техникой территории. Первый этаж полностью занимал технический ремонтный зал с многочисленными въездными воротами, а прямо над оными воротами располагались большие, почти во всю длину здания, но сейчас закрытые непроницаемыми шторами окна офисно-конструкторской части, занимавшей весь второй этаж. Там же был и кабинет Перца.

Мы поставили машину так, что заперли выезд «Волгам» со спецномерами, и, не обращая внимания на возмущения их водителей, нырнули в дверь служебного входа. Тёмная узкая металлическая лестница привела нас сразу ко второму входу в Пашин кабинет, замаскированному под стенной зеркальный шкаф...

— Тс-с, замри. — Маша приложила свой тонкий пальчик к моим губам и остановилась прямо перед моей позицией. — Там те же ребята, что и в центре были: у дверей двое и у окна один; отсюда через одностороннее зеркало видно отлично ещё какого-то детину в костюме, стоящего к нам спиной, прямо сзади от места Пашки, на которое почему-то уселся Саныч, а напротив него на диванчике сидит Брылин и Пашка с совершенно ошарашенными лицами.

— Да хрен с ними со всеми, давай пошли уже, — нетерпеливо подталкивая девушку, прошипел я.

За полтора часа до этого...

— Испытания прошли успешно, — медленно заруливая в ворота ангара с надписью «Hot road — от Перца» фургон с параболидом в кузове, проговорил

Самострелов. — Они ничего не поняли и дали отменный результат в жесточайших условиях, товарищ полковник.

— Отличная работа, — прошипело из рации, — давай вызывай их, мы уже на подлёте. Брылин с нами, а вот выскочку этого, чей фургон, надо бы проконтролировать, а то глупостей наделает ещё.

— Вас понял, всё будет по высшему разряду, — ответил голосу из рации Саныч и нажал кнопку отбоя. — Вот и всё, скоро начнётся новая эпоха, — проговорил он с облегчением, какое испытывают только люди, оказавшиеся на финишной прямой уже порядком утомившей, но очень уж значимой для них гонки, лишёнными слишком уж ставшей привычной компании соперников.

Боцман припарковал фургон рядом с подъёмом на второй этаж внутри технического зала сервиса, забрал из кузова шлем с камерой и в момент, когда уже собрался закрывать кузов, услышал оклик прямо у себя за спиной:

— Стой, где стоишь, урод! — Паша стоял в проёме двери наверх, целясь в Боцмана из здорового матово-серебристого револьвера калибром не меньше сорок пятого. — Куда ребят, сволочь, дел? Я твои разговорчики слышал! Чё, гад, решил братана моего кинуть, да? И меня кряду?

— Да стою я, Павел, не дури, убери ствол, — застыв, как статуя, начал Саныч. — Ты, видимо, всё не так понял...

— Заткнись, федерал, мозги мне не парь, вас этому, уродов, учат! — распаялся Перец. — Где ребята, говори, а то башню разнесу!..

— Да всё с ними хорошо, давай сейчас им позвоню. — Саныч потянулся к карману с телефоном.

— Замри, гад, не шевелись, знаю я ваши штучки! — продолжал нервничать парень. — Набирай через голос, я знаю — ваша система это умеет...

— Хорошо-хорошо, не волнуйся, Ари, вызов, Маша, — чеканя слова, скомандовал Боцман. Из динамика громкой связи в кармане куртки Сан Саныча раздался сигнал ожидания ответа.

— Ну, давай-давай, звони, почему не отвечают? — всё дёргался, распаяя себя, Перец.

— Аллё, — зазвучал голос Марии из динамика, и в этот же миг за воротами сервиса с визгом затормозило сразу три машины, отчего Павел вздрогнул, и решил было пристрелить Саныча, но замешкался, услышав спокойный и даже почти сонный голос девушки.

Дальнейшее было уже предрешено: две пары теней метнулись по залу, раздался хлопок, ещё один звук падающего оружия, а затем и тела. Один дротик с мышечным релаксантом угодил Павлу в запястье державшей тяжёлый пистолет руки, а другой — в район ключицы. Парень обессиленно выронил, к своему несчастью, вовремя не взведённый кольт и кулем завалился вбок, тут же засопев, как ребёнок, смотрящий десятый сон.

— Первый, я седьмой, все чисто, — отрапортовал один из бойцов-теней.

— Первый, я третий, второй этаж чист, — прозвучало в рации, висевшей на поясе высокого крепко сложенного мужчины с чёрно-седыми коротко стриженными волосами, вошедшего в открытые ворота и направившегося к Боцману.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — отчеканил тут же выправившийся по стойке смирно Саныч.

— Оставь формальности, Саня, — несоразмерно добрым для своего вида голосом проговорил гость. — Мы же уже не на службе, по крайней мере, официально, да и когда ты в науку ушёл, мы оба капитанами были, так что просто здорова, брат.

— Ну, тогда и тебе, Данила, не хворать, — улыбнулся Саныч. — Сколько лет, сколько зим, но сейчас не об этом, пошли в кабинет этого вот ковбоя. — Он указал на уже вовсю храпевшего Пашку. — Кстати, его пусть твои архаровцы в чувство приведут, обыщут и тоже наверх приведут вместе с Семёном, а я пока тебе всё расскажу да покажу, пока ребят ждём.

— Отлично, тогда пошли, — полковник раздал с десяток чётких приказов и вместе с Самостреловым проследовал в кабинет директора сервиса, то есть Павла, куда спустя примерно полчаса привели и Семёна с ошарашенным и держащимся за пораненное и забинтованное запястье хозяином самого кабинета.

Вся эта весёлая компания как раз только допила притащенный одним из бойцов-теней кофе и доела купленные в соседнем ларьке бутерброды, когда зеркальная дверь за спиной полковника резко подалась в сторону и в комнату ввалились затаенные в гоночную экипировку высокий парень в чёрных очках-авиаторах и хрупкая,двигающаяся ловко и грациозно, как дикая рысь, девушка с короткими рыжими волосами и цепким в такие минуты взглядом безупречной охотницы.

Парень с ходу подскочил к не успевшему ещё отвлечься от видео на экране ноутбука Даниле и удивительно точным движением захватил того одной рукой за шею, другую ладонь положив на затылок противника и замкнув хват первой руки на локте второй, притом встал чуть назад, наклоня противника и одновременно прикрываясь им. А девушка метнулась к Боцману, собираясь сказать тому, чтобы уходил, но так и замерла, глядя на экран...

На экране стоявшего в окружении чашек из под кофе и обёрток от бутербродов ноутбука кадр за кадром разворачивалась вся ночная эпопея, но глазами, так сказать, то камернаблюдения техцентра, то камеры стого злополучного вертолёта, гнавшего нас добрых несколько километров, то, как ни удивительно, камеры, бывшей в эту ночь на голове главного действовавшего лица, то есть на моей.

Бойцы у двери и окна, а также ещё один, оказывается, стоявший в углу, не просматриваемом из потайного хода, одновременно припали на колено, выцеливая поочерёдно то меня, то замершую в изумлении Машу. И это я понял отнюдь не только по еле заметному, но характерному для каждого движения звуку, шелесту ткани и металлическому призвуку оружия, но и как будто опять увидел сквозь дымку, как и на трассе, и во время похода в магазин, и при прорыве через злосчастные ворота этой ночью. И как-то уже не верилось в галлюциногенную природу этого явления, тем более когда я умудрился провести в этом адреналиновом состоянии довольно точный приём при захвате, типа коим я сейчас и прикрывался.

— Отставить, мать вашу! — заорал первым осознавший происходящее Боцман. — Барсук, отпусти моего сотоварища, а вы, образины, уберите свои железки и валите дежурить вниз.

Саньча было не узнать: в его обычно спокойном голосе впервые за всё время знакомства мы слышали сталь командного тона боевого офицера, а не голос простого инженера, пусть и работавшего на военных.

Я почти рефлекторно разжал хват и сделал шаг в сторону от, как ни странно, устоявшего на ногах здоровяка. Бойцы спешно встали и, поставив, судя по звукам, свои железки на предохранители, вразвалочку вышли из помещения через главный вход. В кабинете осталось пятеро, не считая меня.

— Прекрасно, а теперь пришло время нам познакомиться, — начал глубоким сильным, но чуть с хрипотцой голосом отпущенный мной минуту назад человек. — Я — старый друг и сослуживец Александра Александровича, полковник Штормовой Данила Сергеевич...

— Или просто Шторм, Данила Шторм, — вклинулся Боцман, — так, вроде мы тебя в те годы кликали...

— Верно говоришь, Саша Боцман, — усмехнулся Шторм. — Ну, дык я о чём. Хорошую команду ты собрал, настоящую, вон пилот у тебя так вообще герой, хоть и не видит ни фиги, а как цельного полковника Штормового скрутил, да и не заметил, поди. А девчонка тоже молодец, не побоялась в заваруху лезть...

— Данил, да хватит уж их нахваливать, — хихикнул Саньч, — давайте присаживайтесь все, да и начнём.

— Да что тут, чёрт подери, происходит? — не выдержала наконец Маша.

— Ну, так присаживайтесь и слушайте. Когда месяц назад мне позвонил Саша... — И Шторм начал рассказ, длившийся ещё минимум три часа, из которого стало ясно следующее.

011. СОС – Служба операторов для слепых

Ещё когда проект «Слепых гонок» только формировался, к нему проявили интерес сразу несколько служб и организаций, имевших так или иначе отношение к министерству добрых дел, как, впрочем, и проявлялся интерес этих уважаемых господ к любому нестандартному и притом наукоёмкому проекту как к мероприятию, способному породить нечто, представляющее интерес для их непосредственной деятельности.

Когда же месяц назад стали известны первые, надо притом сказать, ошеломляющие результаты, когда стало ясно, что возможности разрабатываемой системы вкупе с нашей феноменально подобравшейся командой потенциально выходят далеко за рамки простого спорта, было решено проверить эти предположения на деле и, подобрав нужный момент, разыграть непредсказуемую партию.

В день икс под предлогом финансовой проверки все работы в центре были свёрнуты ровно на том моменте, когда вся значимая техника была готова к полевым испытаниям, а все предпосылки для вольных инновационных разработок были созданы.

Когда же уже в этот самый день, правда, не без намёка со стороны Боцмана Мария выдала идею о применении существующих наработок для создания фактически системы дистанционного поводья для незрячих, ликование кураторов всего этого безобразия не было предела, всё оправдывалось на сто процентов.

Подвернувшийся же спустя некоторое время провокатор Павел оказался как нельзя кстати, и именно тогда было решено провести, так сказать, экзаменационные испытания. Всё произошедшее со вчерашнего вечера, кроме разве что сцены на Третьем кольце и безумной выходки Перца, оправдываемой, правда, его полной случайностью и неосведомлённостью в этом спектакле, было старательно срежиссированным спектаклем в лучших традициях голливудского кино.

Сейчас же по итогам этого шоу было принято окончательно несколько назревавших уже с неделю решений:

Во-первых, было решено продолжить дополнительную работу с нашей группой, получившей теперь кодовое название по прозвищу полковника, являвшегося с этого дня её куратором, и по численности группы на данный момент, то есть «Шторм-б». Как и следовало ожидать, Пашу, особенно после сегодняшней выходки, как бы и спросить забыли на тему его желания участвовать, а Семён, к нашему удивлению, уже входил в группу Шторма, выполняя функции экономического прикрытия, и имел прозвище «Скрудж», до смешного ему не идущее, но этим и устраивающее всех.

Во-вторых, с этого дня начиналось формирование Службы операторов для слепых, или просто подпроекта – СОС.

Смысл затеи был в следующем...

Через социальные службы людям, лишённым зрения, выдаются специальные аппараты, являющие собой камеру, встроенную в очки с гарнитурой, и аппарат

на основе сотового со встроенным модулем определения местоположения и имеющий только кнопки вызова и отбоя.

Когда пользователь хочет пройти из точки А в точку Б, он нажимает кнопку вызова, и изображение с его камеры появляется на экране рабочего места одного из специально отобранных операторов. Пользователь сообщает желаемый пункт назначения, и оператор, пользуясь уже выработанной нами системой команд, ведёт клиента наподобие поводыря, правда, ещё к тому же имея возможность рассказывать по просьбе ведомого о вещах, происходящих вокруг.

Всё, конечно, более чем прекрасно, однако каждый здравомыслящий человек спросит: а на кой такая система сдалась уважаемым господам из министерства? Ответ же прост до безобразия. В целях безопасности пользователей и для защиты прав операторов (в спорных ситуациях) все сеансы связи вместе с навигационными координатами видео и записью разговора должны будут храниться в системе не менее трёх суток, а это создаёт базу нестационарных и непредсказуемых, а посему и неожиданных для правонарушителей камер наблюдения, раскиданных по всей территории действия проекта. Вот вам и ответ, и, по-моему, весьма неплохой.

В-третьих, ловя Павла на слове и для упрощения процесса забывания сегодняшнего инцидента с этого момента сервис Перца становится официальной базой нашей гоночной команды «Слепой шторм» вместе со всем персоналом и навороченным оборудованием.

Команда же выскочки Кротовенко остаётся в старом здании, откуда, по обещанию Скруджа, нам будет завтра же перевезено всё необходимое оборудование.

Так в один день мы сначала чуть всё не потеряли, а потом в одно мгновение стали не просто спортивно-техническим экспериментом, а цельной специальной командой, имеющей свою собственную базу и породившей целый социальный проект вполне даже государственного значения. Правда, дуэли с Кротом ни одно из вышеописанных обстоятельств не отменяло.

Для меня же лично наиглавнейшим за этот день событием оставались слова, сказанные на рассвете, да и, может, ещё укрепившееся ощущение, что зрение всё же потеряно не навсегда...